

ХОРОШО ПОМНЮ НИКОЛАЯ ПРОКОФЬЕВИЧА

В начале 60-х мы были молоды, полны энтузиазма и веры в Светлое будущее нашей страны, которое можно приблизить, если заставить реформированный Госплан работать на основе математических моделей, оптимизации планирования и использования вычислительной техники. Мы – это Б. Михалевский, В. Пугачёв, В. Волконский, В. Дадаян, Ю. Лейбкинд, Ю. Черняк, А. Модин, Б. Суворов, Н. Махров, В. Коссов, я и другие. Мы были очень молоды, а В.С. Немчинов, набравший, как тогда говорили, «немчиновских мальчиков», увы, стар. Мечтали о мощном *мозговом центре* планирования и управления *народным хозяйством* и *академическом Центре* при нём, но кто будет руководить – это было неясно, т.к. Василий Сергеевич категорически отказывался от такого варианта. Всё же полпути на выбранном направлении нами было пройдено...

Кажется, весной 1963 года Марк Михайлович Голланский, заместитель В.С. Немчинова, очень приятный и доброжелательный человек, посоветовал мне, как представителю молодых сотрудников Лаборатории, съездить к Учёному секретарю Отделения экономики АН СССР бывшему фронтовику и чл.-корр. АН СССР Н.П. Федоренко и поговорить с ним о наших научных интересах. В то время мы уже знали, что на базе нашей ЛЭММ будет создан академический институт, и Николай Прокофьевич станет его директором. До этого Василий Сергеевич говорил нам приватно, что Николай Прокофьевич – чуть ли не единственный человек из возможных кандидатур, который «хорошо относится к математическим методам в экономике и который ни разу не совершал в жизни подлых поступков». Кстати говоря, известно, что будущему директору академик Немчинов обещал поддержку на предстоящих выборах в академики.

Мне бодрый и энергичный Николай Прокофьевич сразу понравился. Во время нашего разговора он предложил мне познакомиться с Ильёй Кричевским, новым сотрудником Лаборатории, и заняться вместе с ним моделированием процессов химизации экономики, что тогда было в моде (и через пару лет в № 2 только что созданного журнала ЭММ мы опубликовали статью на эту тему). Одновременно он попросил меня подбирать молодых сотрудников для будущей Лаборатории проблем химизации, которую позже возглавил Е. Щукин. По поручению Николая Прокофьевича мне пришлось потом выступать с ним вместе с докладом о моделях химизации на каком-то семинаре у академика В.М. Глушкова. Однако интересы мои были далеки от химизации, и я организовал свою творческую группу по математической социологии, чему Николай Прокофьевич совершенно не препятствовал

(хотя тот же И. Кричевский говорил, что «от Прокофьевича уйти почти невозможно»). Известно было, что Николай Прокофьевич всегда выполнял обещания, и в 1966 году на базе моей группы в ЦЭМИ РАН была создана «лаборатория социологических моделей».

Став руководителем научного коллектива, Николай Прокофьевич быстро освоил экономико-математическую идеологию оптимального планирования, идущую от Л.В. Канторовича. В этом ему особенно помог А. Каценелинбойген. После опубликования («в порядке обсуждения») в журнале ЭММ моей статьи о критерии оптимальности экономики, Николай Прокофьевич предложил мне создать творческую группу по проблемам *народнохозяйственного критерия оптимальности*, в которой мы изучали математическую теорию полезности и пытались осмыслить возможности использования на уровне Госплана оптимизации государственных программ. К сожалению, эта группа функционировала не больше года, и нас было мало для выхода на уровень Госплана. Всё же в дальнейшем мы с Н. Винокуровой и при содействии Л.Е. Минца провели специальный опрос плановых работников Госплана РСФСР и построили функцию полезности, отражающую их представления об оптимальном развитии регионов России. В канун Перестройки были статистически восстановлены параметры функции полезности трудового поведения (водителей автокомбинатов Стройтранса и Торгтранса), а также функции полезности населения Московской области в сфере потребления социальных и коммунальных услуг. Резкий переход страны к рынку сделал ненужным наработанный нами задел по целенаправленной оптимизации жизни населения.

В апреле 1967 году Николай Прокофьевич согласился быть председателем Оргкомитета по проведению первой в нашей стране Всесоюзной конференции по количественным методам в социологии, которую организовали мы с Г.В. Осиповым, в то время заместителем директора только что созданного Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ). Надо сказать, что в те годы со стороны ортодоксальной «марксистской» философии продолжалась критика самостоятельности социологии как науки, не говоря уже о критике математических методов в гуманитарных дисциплинах. А этой Конференции опасались и «органы», из-за возможных спонтанных выступлений неблагонадёжных социологов. Поэтому сам факт публичной поддержки мероприятия всесоюзного значения был актом определённого гражданского мужества. Николай Прокофьевич также поддержал мою инициативу на создание филиала нашего Института в Краснодаре, так что в 1968 году был создан Краснодарский сектор социологических исследований ЦЭМИ АН СССР. Забавно вспомнить, как двое беспартийных – недавний ссыльный бывший меньшевик Лев Ефимович Минц и я, со своим досье в КГБ, вели переговоры в Краснодарском Крайкоме КПСС о будущем Краснодарского филиала. На заводе им. Седина мы провели социологическое

исследование для построения математической модели трудового процесса, а опросив взрослое население нескольких городов и посёлков края, мы получили возможность описать динамику движения трудовых ресурсов.

Через три года интенсивное развитие социологии в стране, к сожалению, было подвергнуто критике (см. журнал «Коммунист» за 1970 г.) и фактически остановлено из-за его «попытки порвать с марксистскими традициями». Президиум Советской социологической ассоциации был расформирован, ряд сотрудников ИКСИ были уволены, а некоторые из них получили партийные взыскания. И надо сказать, что Николай Прокофьевич не побоялся «партийного надзора», а взял на работу в ЦЭМИ бывших сотрудников ИКСИ – Ю. Леваду, Б. Грушина, В. Шляпентоха и некоторых других.

Свою человечность Николай Прокофьевич проявил по отношению ко мне ещё раз, когда на совместном заседании партбюро и дирекции ЦЭМИ по представлению органов КГБ рассматривалась практика руководства коллективом лаборатории социологических моделей её заведующим Ю.Н. Гаврильцом и судьба молодой лаборатории. Дело в том, что я подбирал в лабораторию людей работоспособных, грамотных и имеющих собственное мнение. Но среди 12-ти толковых и независимых были разные: кто-то был не сдержан на язык, другой был задержан с антисоветскими листовками, а один (старше нас на 10 лет), успевший побывать в ссылке по 58-ой статье, в «состоянии подпития» любил мочиться у больших портретов партийных вождей на Арбатской площади. Он же во время моего отпуска поджёг все пропагандистские лозунги на стенах нашей рабочей комнаты. В результате некоторым ребятам пришлось уйти из Института, часть мне удалось сохранить несмотря на «рекомендации» куратора КГБ. Лично против меня выступили только зам. директора, «идейный марксист» Э.Ф. Баранов и «профсоюзный босс» М.Г. Раппопорт. Директор Института, за время заседания временами выходивший из кабинета, не сказал против меня ни слова и поддержал минимально строгое решение о постановке мне на вид «за неправильную практику подбора кадров». Лаборатория была сохранена.

Мне известно также, что во время прохождения в ВАК моей докторской диссертации только поддержка Стаса Шаталина и Н.П. Федоренко помогли благополучно преодолеть попытки некоторых сил завалить её утверждение.

Важно подчеркнуть, что Николай Прокофьевич, руководя ЦЭМИ АН СССР, не только продолжил линию академика Немчинова на развитие математических методов в экономике, но сохранил известные многим «атмосферу и стиль ЦЭМИ», атмосферу взаимной поддержки, дружеского участия, научной жизни без нелепой конкуренции и взаимных склок. Хочется сказать также, что в отношениях с сотрудниками Института Николай Прокофьевич всегда держался демократично и приветливо. К Новому году и другим праздникам он всегда

посылал поздравительные открытки всем завлабам и многим другим сотрудникам. На проходивших временами банкетах он был весел, шутил и не раз танцевал с сотрудницами. Когда же пошли времена насаждения рыночных отношений, отхода от принципов СОФЭ, он продолжал бороться с перегибами преобразований на страницах своих книг. К сожалению, наступившие перемены не очень радовали, и когда он увидел, что прекрасно оформленное фойе нашего Института изуродовали появившиеся арендаторы, он не мог сдержать слёз...

Выступая на банкете по случаю своего 80-летия, он сказал, что всегда старался выполнять свой гражданский и человеческий долг и рад, что «долгов у него ни перед кем не осталось». Действительно, Николай Прокофьевич очень много сделал для отечественной науки, для нашего Института, для всех нас. Мы его всегда вспоминаем с благодарностью.